

подготовленная С. М. Лойтер хрестоматия по русскому фольклору Карелии «На поле-поляне, на море-океане».

Софья Михайловна живо интересуется творчеством писателей, преимущественно детских писателей, Карелии. Совместно с М. В. Тарасовым она недавно составила антологию русской детской литературы Карелии «Я вам утро подарю» (Петрозаводск, 2009). В это издание вошли произведения детского фольклора, лучшие стихи и рассказы для детей 44 карельских писателей.

В работах С. М. Лойтер есть еще одна важная особенность: эти работы написаны женщиной, матерью. Глубоко личным, интимным является интерес к творчеству народной плакальщицы из Заонежья Ирины Федосовой. Многолетняя работа по систематизации, публикации и комментированию научного наследия покойного сына, известного лингвиста Я. И. Гина, является настоящим материнским подвигом.

А. В. Пигин,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

ФОЛЬКЛОРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАРЕЛИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

О том, что фольклор, записанный на территории Карелии (бывшей Олонецкой губернии), в значительной степени стал основой отечественной фольклористики, есть множество свидетельств: прежде всего это составляющие золотой фонд науки издания текстов, исследования, посвященные деятельности выдающихся ученых и собирателей (П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Е. В. Барсова, братьев Ю. М. и Б. М. Соколовых); двухтомная «История русской фольклористики» М. К. Азадовского. В безвестности долгое время оставались те, кто предшествовал их деятельности, кто первым обратил внимание на богатейшую устно-поэтическую традицию Олонецкой губернии, кто инициировал деятельность ученых-фольклористов. А именно они стояли у истоков фольклористики Карелии – краеведы-фольклористы, или, как их называют, фигуры второго ряда. Их деятельность, их судьбы неоднократно оказывались предметом моих публичных выступлений и публикаций. Уже более 20 лет я воссоздаю биографии этих забытых краеведов, внесших бесценный вклад в русскую фольклористику своей собирательской, публикаторской, популяризаторской деятельностью. Она охватывает более столетия нашей истории: от деятельности С. А. Раевского, первого редактора неофициальной части учрежденной в конце 1830-х годов газеты «Олонецкие губернские ведомости», а затем и деятельности директора

Олонецкой губернской гимназии Ф. Н. Фортунатова, благодаря которому началась и укоренилась традиция участия гимназических учителей в собирании, изучении и публикации фольклора, – по 1930-е годы.

Изучение материала поначалу и, соответственно, публикации не были подчинены хронологическому принципу. Они определялись той личностью, деятельность которой меня интересовала в конкретное время. Теперь, когда появилось много таких личностей, это уже не отдельные фигуры, а процесс, который явил особую генерацию деятелей культуры и науки. И понятие «фольклорное краеведение», аккумулируя этот новый смысл, означает выделение фольклорного краеведения в отдельную, самостоятельную область краеведения, предполагая фольклористику в системе краеведения вообще и фольклористику Карелии, для которой фольклорное краеведение оказалось важной составляющей. Очевидно, что фольклорное краеведение Карелии в первой половине XIX века предварило профессиональную академическую фольклористику, а затем, существуя параллельно с ней и нередко не уступая по глубине и содержанию, дополняло и обогащало ее. Хронологически эта когорта деятелей фольклорного краеведения начинается с учителя словесности Олонецкой мужской губернской гимназии Ф. И. Дозе, дело которого продолжил его ученик К. М. Петров, ставший выдающимся краеведом. Следующая фигура – учитель Петрозаводской гимназии П. Т. Виноградов, сыгравший огромную роль в судьбе двух выдающихся сказителей, – И. А. Федосовой и И. Т. Рябинина. Эту плеяду завершает фигура Н. С. Шайжина, которому принадлежит «открытие» второй после Федосовой воплощенницы Заонежья А. С. Богдановой.

Особая страница в жизни фольклорного краеведения России и Карелии – конец 1920-х – 1930-е годы, когда прекратившее свое существование после революции «Общество изучения Олонецкой губернии» было заменено в 1923 году «Обществом изучения Карелии» и Карельским бюро с ячейками и инструкторами, а затем и вовсе ликвидировано. За этим последовала волна репрессий и арестов. Фольклорное краеведение в Петрозаводске, по существу, перестало существовать. Но оно не заглохло, а переместилось в деревню. Этот период выдвинул две неординарные фигуры: заонежскую учительницу Е. В. Ржановскую и уроженца старинного поморского села Сумской Посад, собирателя северно-русского фольклора И. М. Дурова, ставшего жертвой сталинских репрессий. Эти две уникальные личности, сельские интеллигенты, истинные подвижники культуры и завершают мои разыскания. Фигур такого масштаба фольклорное краеведение Карелии XX века больше не знает. Упомянутые факты из жизни фольклорного краеведения Карелии уже вошли в научный оборот, а шесть названных имен (Дозе, Петров,

Виноградов, Шайжин, Ржановская, Дуров) будут представлены отдельными статьями в готовящемся в Центре русского фольклора двухтомном Биобиблиографическом словаре «Российские фольклористы».

С. М. Лойтер,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы историко-филологического факультета
КГПА*

ОБ ОДНОЙ ИЗ ИДЕЙ С. М. ЛОЙТЕР: ИГРА В СТРАНУ-МЕЧТУ И ФЭНТЕЗИ

В своих относительно недавних работах Софья Михайловна открыла и исследовала «новое явление современной детской мифологии» (Лойтер С. М. Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2002. С. 33), которое уже получило широкую известность, – игру в страну-мечту. «Речь идет, – подчеркивает С. М. Лойтер, – об играх, основанных на деятельности воображения», «деятельности фантазии», на «мечтательном воображении» (Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001. С. 137). Бросается в глаза несомненная близость подобного рода мечтательства художественным мирам литературных фантастических жанров. Однако, сравнивая игру в страну-мечту и произведения, созданные в жанре фэнтези, мы встречаемся не просто с близостью, обусловленной наличием в сравниваемых сферах игры и фантастики, а с довольно полным совпадением многих структурообразующих аспектов данных сфер. Это – книжность, сходные принципы локализации чудесного мира, его игровая модель и т. д. Совпадают даже частности. Непременный атрибут игры в страну-мечту – создание играющими карты утопической страны, документов, описывающих ее историю, государственную систему, социальное устройство. Такого рода «документы» непременно встречаются почти во всех романах-фэнтези.

Единственный момент в концепции С. М. Лойтер, который, как нам кажется, можно оспорить, связан со стремлением исследовательницы рассматривать игру в утопическую страну как игру-миф. Правда, и тут мы вновь наблюдаем сходство и даже родство с поэтикой фэнтези, которое многие фантастоведы считают мифологической. С одной стороны, и С. М. Лойтер, и фантастоведы правы – и игра в страну, и фэнтези охотно используют древний мифологический материал, сохраняют некоторые особенности мифологического восприятия мира. С другой же – имеется фундаментальное отличие мифа от игры (любимой!). Живой миф представляется человеку, живущему в этом мифе, реальностью, даже сверх-

реальностью, он в этом смысле бесконечен. Игра же всегда подразумевает некие рамки, границы, правила, за которыми она заканчивается. Из живого мифа выйти нельзя, из игры не только можно, но и нужно. Таким образом, открытие игры в страну-мечту не только дает важный материал для изучения современного детского фольклора и психологии ребенка, но и позволяет обнаружить новые аспекты генезиса, семантики и поэтики фантастических литературных жанров.

Е. М. Неёлов,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
русской литературы филологического факультета
ПетрГУ*

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ПОМОРЬЯ В «СЛОВАРЕ ЖИВОГО ПОМОРСКОГО ЯЗЫКА В ЕГО БЫ- ТОВОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕ- НИИ» И. М. ДУРОВА

В научном архиве Карельского научного центра РАН хранится уникальная рукопись «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении», которую ее составитель краевед из Сумского Посада И. М. Дуров передал в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) КарНЦ РАН (тогдашний Карельский научно-исследовательский институт) в 1934 году. В настоящее время рукопись готовится к печати. Восемь рукописных томов включая более 12 тыс. словарных статей, в которых представлена лексика, собранная автором словаря в начале XX века в селах Поморского берега Белого моря. Лексика собиралась по специальной академической программе. По характеру материала, принципам его подачи словарь Дурова входит в один ряд с широко известными «Словарем областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. Куликовского и «Словарем областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого и должен был, по мысли автора, заполнить ту нишу, которая образовалась в лексикографическом описании северно-русских говоров после выхода их в свет. Словарь А. О. Подвысоцкого явно служил определенным образцом, что прослеживается в построении словарных статей, в толковании значения. Обращение к опыту Подвысоцкого понятно и логично: в словаре И. М. Дурова представлены говоры Поморского берега Белого моря, которые территориально примыкают с запада к ареалу архангельских говоров. Вместе с тем у поморского словаря свое лицо. Его автор – коренной житель Поморья, знаток говоров и культуры Поморья. Со страниц словаря предстают язык и жизнь поморов рубежа XIX – XX столетий, когда в Поморье еще сохранялись